Платонов А. Я взрываю айсберг: очерк / Андрей Платонов ; авт. предисл. А. Славин // Лесная промышленность. - 1987. - 5 мая. - С. 4. - (Наши публикации).

Андрей Платонов — **Наши публикации**

Я взрываю айсберги

Имя выдающегося советского писателя Андрея Платонова широко известно. Однако не все знают, что кроме художественной прозы Платонов еще активно занимался журналистикой. Особенно в конце двадцатых годов, на крутом переломе в развитии страны. То был период небывалого подъема, грандиозных планов, высокого энтузиазма, время, когда укреплялись социалистические взаимоотношения в труде. Писатель в эти годы много путешествует, пристально вглядывается в жизнь, ищет людей, которые должны были стать для него символом эпохи. Побывал он и на европейском Севере, в леспромхозах, сплавных конторах, на лесопилках. Впечатления от поездки вылились в очерк, затерявшийся в периодике 1930 года. С тех пор он не публиковался.

Очерк актуален и сегодня. И вот почему. Мы переживаем в нашей истории момент, когда для движения вперед необходимо не только отказаться от отживших понятий, представлений, но и многое изменить в самом отношении к труду, то есть привести в действие те огромные возможности, которые заключены в людях.

ПОД Котласом тронулся лед. Ледяное поле подняло водой, разломало на крупные льдины, столкнуло с места. Чудовищной толщины лед! Но ледоход на Двине не произвел на меня того величественного впечатления, какого я ожидал. На Волге льды разламывает с артиллерийским грохотом. Река рычит, стонет; исступленно свистят и шипят, вставая на дыбы, льдины. Здесь ледоходу помешал лежащий против Котласа остров. Он сразу же зажал лед в тиски. К утру наметало под городом такой затор, что навигация была застопорена не менее чем на полмесяца. Случилось то, чего все ожидали заранее.

— Надо же было принять меры! — говорил я директору леспромхоза Шабарину. — Оказывается, здесь так каждый год. Это можно было предвидеть, предупредить. Знаете, как «Правда» ставит вопрос о тех, кто оправдывает провал своей работы стихией, объективными препятствиями?!

Директор носил очки. Первое, что бросалось в глаза при виде его, это красные веки, увеличенные стеклами очков. Директор был худ, говорил слабым голосом, вяло, казался болезненным. С ним хотелось говорить тихо, чтобы не напугать его невзначай. Я знаю, что он был хорошо проверен в краевом центре, руководил ранее рыболовной кооперацией, наверное, был достойным партийцем. Но протекавшая на моих глазах его работа мне не казалась работой. Быть может, он еще недостаточно вошел в курс дела. Пост его в леспромхозе требовал гигантского размаха, стальной крепости нервов, беспощадного, бдительного отношения к людям. По-моему, он не был таким. Он отказывался от борьбы со стихией, а работа в лесу, овладение новыми лесными массивами, где все стихии, требуют воли к этой борьбе.

Стихия! Запоздалая осень срывает начало лесозаготовок. Ранняя весна срывает вывозку бревен. Бурное таяние грозит первоначальному сплаву. Заторы разобщают районы, лишают возможности вовремя забросить к местам сплотки такелаж и оснастку. Малая вода летом губит весь сплав, ставит на мели плоты, буксиры, лотовки.

24 апреля грянул мороз. Он пришел первоначально бураном, наметал дюны снега. Снег сцементировал айсберги. Броней мерзлого льда встал затор.

Мороз держался три дня. Потом, точно штрафное, на землю виновато глянуло солнце. Затор ослепительно засверкал под лучами ледяной слепотой. Солнце не тронуло мерзлого его сердца, он точно спал, не слыша весны и солнца.

— Вы погубили сплав! — говорил я инженеру Надзянскому. — Вы погубили сплав. В два первых дня затор можно было разметать без труда. Хороший баркас, два-три взрыва.

— Мы требовали динамита из края. Нам не высылали! — оправдывался инженер, улыбаясь. — Дело проиграно. Со стихией шутить нельзя, а край нас подвел.

— Надо в сердцах носить динамит, товарищ Надзянский!

— Вы — поэт, писатель, вам свойственно выражаться, и вы выражаетесь. Вы попробуйте встать на мое место! — вновь улыбался он. — Тут из центра какой-то Волков явился. Берется в три счета разметать затор. Посмотрим, получится ли...

— Где он, познакомьте меня с ним. Как вы решаетесь говорить: «Посмотрим, получится ли...» Надо помочь ему, чтобы получилось.

— Мы поможем. Но стихия, знаете ли, может нам не помочь. Вперед сказать трудно. Затором сейчас занимается и госпаро ходство. Затор приносит ему ежедневно явных пятьдесят тысяч убытка.

В тот же день я познакомился с Волковым.

Былой командир бронепоезда, подрывник рослый, черноволосый, с широко расставленными глазами, взгляд которых не всякий осилил бы выдержать. Я увидел его на крыльце леспромхоза. Он стоял над писателем Алексеем Костериным и так размахивал неправдоподобно большими руками, точно вколачивал в собеседника кулаками гвозди.

— Моржи, медведи, тюлени! — громил он местных работников. — Им зады обморозит, они и костер поленятся развести. Я собрал совещание, говорю: «Надо к черту взорвать спячку и лень, вы тут все спите!» Накрыл в магазине тридцать ящиков охотничьего пороха. Облазил склады, шнуры раскопал взрывные. Тюлени! Тут нет людей. Служащих чертова дюжина, а работников нет...

С Костериным мы были давно знакомы. Я вмешался в их разговор. Волков басил трубным голосом, было больно ушам. Он был в бродних, в новом брезентовом дождевике, еще не смятом, торчащем нелепо по всему угластому его телу.

— Вы тоже писатель? — рявкнул он мне снисходительно. — Поедем с нами, будешь мое геройство описывать. А то, — он кивнул в сторону Костерина головой, — думаю, один за мной никак не усмотрит. Что-нибудь да пропустит...

Мы быстро собрались. Подали подводу но из-за грязи пришлось шагать по тротуару пешком. Воз был тяжелым. С десяток ящиков пороха везли вдобавок к уже погруженным на баркас. Пришлось их спускать на себе по крутому, скользкому, как мыло, берегу.

На баркас пробирались по ледяным глыбам, проваливаясь, цепляясь за выступы. Сверху четверо красноармейцев еще спускали ящики с порохом. Ветер хлестал их полами шинелей. Ящики тащили вдвоем: один на спине, другой поддерживал сзади. Но один из передних красноармейцев неловко ступил на выдавленный кем-то ранее след. Мокрая ветвь выскользнула из его руки. Он закричал — крик вышел похожим на короткий, оборванный хохот.

Вслед за этим красноармеец покатился по крутому овражистому скату, ящик за ним, за ящиком следующий красноармеец. Потом первому удалось зацепиться на лету за береговой куст.

Он выдержал напор ящика и второго красноармейца. Оба вновь принялись волочить к базе груз, измазанные, оцарапанные ветвями, облепленные глиной и нашим хохотом.

Базу представлял собой колесный пароход «Двинец», древний и ветхий, как две трети всего парового флота Двины. Ежегодный ремонт был произведен и на нем, но он больше касался машинного отделения. Обносы, плицы, половина палубы были еще не крашены. Пароход выглядел пего, общипанно.

В тесном носовом кубрике шла возня, как на настоящем военном судне. Женщины с песнями торопливо набивали порохом керосиновые бидоны. Красноармейцы спешно ладили к ним деревянные пробки под запальные шнуры. Сотни коробок из-под пороха валялись на полу, на скамьях, на столе.

Порох свиристел под ногами. Нечаянная искра могла разнести пароход в клочья. Настроение в кубрике было, как в восемнадцатом году на подавлении кулацкого бунта. На столе среди порожних коробок ржаво краснела пареная треска, ржаной хлеб, шматок русского масла — пиршественный в котласских условиях обед для нашей взрывной команды.

— Расея-мать! — бубнил Волков. — Все заново приходится изобретать. Попробуй-ка... рассыпать тридцать ящиков пороха по таким узким горлышкам!

Бригадой двинулись торопливо по льдам за полтора километра к месту, где пешнями долбили во льду банки и закладывали в них по системе Волкова запалы. Льды наметало вверх углами, острыми, как лезвия ножей. Костерин дорогой оказался без подметки на сапоге. Поскользнулся — и в одно мгновенье подметку срезало ледяной бритвой. Пришлось подвязать ее галстуком.

Мы чувствовали себя, как «красницы» среди ледяных пустынь за Полярным кругом. С шестами в руках скакали по льдинам с одной на другую, стараясь попасть в припорошенные свежим снегом следы.

Впереди шел Волков. За ним высокий худой Орлов, начальник снабжения леспромхоза, потом Костерин и я. За мною — красноармейцы. В трещинах синела и вздрагивала вода. Местами лед колебался под ногами. Рядом свежела полынья, в которой вода крутилась воронкой.

Льды лежали справа, слева, спереди, куда хватал глаз. Зеленые, синие, оранжевые — от низкого солнца. На штормовом этом поле, громоздившемся в синеву айсбергами, вдали комарино чернели красноармейцы, долбившие лед. В ледяной тишине яро щелкало железо о лед, пробивая в нем места для установки запалов.

Орлов шел впереди Костерина, за которым, то прыгая по надежному следу, то карабкаясь по ледяному холму, двигался вперед я... И вдруг Орлов пошатнулся. Он стоял высоко над нами, две набитые порохом банки висели у него на плече. Его колыхнуло в бок, вправо. От толчка банку рвануло с его спины, она потянула другую, и груз тяжело рухнул с плеча на лед.

Он хотел спасти груз, высокий, неуклюжий Орлов, но шест из свободной руки выскользнул, как пущенный с силой гарпун, которым бьют на океанских льдах зверя. И тогда Орлов грузно упал навзничь, пробив сапогами ледяную корку меж льдинами. Раздвигая телом крошеный лед, он грузно пошел под воду. Мы не смогли подскочить к нему сразу.

— Разбился! — крикнул красноармеец. — Держись!

— Кинь ему шест! — торопил я Костерина.

Над Орловым уже стоял Волков, балансируя, ища ногами опору.

— Подымайся! — готов был ругаться Волков. — Залег в берлогу, медведь!

— Идите, я полежу, отдышусь немного, — сказал Орлов хрипло.

— Полежу, — передразнил Волков. — Кто тебя тут оставит, медведя?

— Я полежу, отдышусь. Вы не ждите меня, — говорил хрипло Орлов, торча над водой по грудь, точно тюлень. Но ногами он, видно, уже упирался о твердую льдину.

— Я полежу, погодите. Дайте мне отдышаться! — виновато повторял он, пытаясь подтянуться из воды на скользкий ледяной выступ. — Я сейчас встану.

— Нам с тобой возиться тут некогда, — сказал Волков. — мы тебе тут не Лазарет. Подымай, Костерин, его, а я обследую, что там с порохом. Зря работали, набивали бидоны.

Мы с Костериным принялись выволакивать из воды Орлова.

Бидоны слегка высыпались, но попали они на сухое, порох не пострадал.

— А то я тебе голову бидоном бы просадил! — бубнил Волков. — Мне порох дороже всего. Без пороха революция к чертям бы годилась, порохом ее обратали. Ты сыпь на пароход, не задерживай, не до тебя! — крикнул он Орлову сердито. — Проводите его, не дойдет один, опять под воду нырнет.

Пришлось одному из красноармейцев вести Орлова. Мы двинулись дальше. Костерин ковылял в сапоге, подвязанном галстуком. Банки были уже готовы. Их пробивали по системе Волкова, по восемь враз, полукругом к устью затора. Бидоны заложили под воду, засыпали льдом, чтобы взрыв бил не столько вверх, сколько в стороны.

— Комарам ноги рвать таким способом, а мы ледяные горы взрываем. Я их аммоналом или динамитом враз разметал бы к дьяволу! — убеждал нас Волков.

Мы с Костериным отошли на приличную дистанцию, чтобы заснять взрывы. Уже крутились восемь серых дымков над местами запалов. Дружина бегом смывалась, кто куда, в разные стороны. Мы ждали долго. От базы к нам торопливо шел баркас. В двадцати шагах от аппарата Костерина он привалил ко льду, медленно покручивая винтом.

— Не тряси лед! — крикнул шутливо Костерин. — Снимки смажешь, отчалься.

Грянул взрыв. Два взмета воды, льда и дыма встали над ледяным полем. Кружась, полетела рваная жесть бидонов. Взрывы грянули одновременно. Два смерча. Они взметнулись жесткими прямыми фонтанами. Потом в воздухе, в огромной высоте, расцвели рыжим каскадом. И медленно стали спадать. В безветренном воздухе остались дымы от них, точно футляры. Они походили на раскрыленные зонты.

Еще два взрыва, и вслед за тем — три, Костерину удалось заснять первые и три последних. Мы ощущали, как под взрывами дрогнул три раза лед.

— Это сотрясение воздуха! — говорил Костерин.

— Лед! — спорил упрямо Волков. — Сейчас ледоколом начнем работать, увидишь, как глыбы отворачивать будем. Таких медведей наломаем, страх смотреть!..

Рабочий план Волкова состоял в том, чтобы ледоколить баркасом стропутый взрывами, надтреснувший по линиям банок лед. Мы принялись за эту работу. Впереди вновь долбили ломами льды, ставили пороховые бидоны. Баркас, отступая для разгона, врезался полным ходом во льды. Издали его усилия должны были казаться смешными. Он был легковесен для такой работы. Каждым ударом его киль отгрызал от затора «по куску сахара», как насмешливо, издеваясь над Волковым, острил Костерин. Но Волков был уверен в победе. Его восхищало не столько то, как дробил льды баркас, сколько те огромные льдины, которые выворачивало из-под них освобожденным течением. Они всплывали вверх, ворочаясь на ходу, черные, заволоченные илом, потому что затором их упирало в дно.

— Какие коблы вывертывает! — восхищенно потирал руки Волков и командовал круто: — Задний ход. Стоп! Вперед до полного!

— Винта не сломай! — подзадоривал его Костерин. — Много ли тле этой надо? Тише, клюв разобьешь...

— Отчепись! В силы пролетариата не веришь. Крой вперед до полного коммунизма! У нас на то темпы...

Ледяное поле, казалось, от темпов не убывало. Надо было пройти таким образом не менее шести километров. Время от времени нас развлекали новые взрывы. Так продолжалось и на другой день. Взрывы, ледокольный поход, снова взрывы.

— К будущей навигации как раз у Котласа будем! — ворчал Костерин. Ему уже надоела такая работа. — Скоро думаешь кончить?

— В три дня! — по-командирски измерив взглядом пройденный путь, решил Волков. — А если его не взрывать — в две недели не тронется...

— В неделю его не пройдешь! — спорил с Волковым и Орлов. — Ставлю дюжину пива. По-твоему, сколько прошли?

— Полтора километра.

— А по-моему, триста метров. По доброте пятьдесят набавлю, и то потому, что больно ты парень хороший.

Орлов ходил прихрамывая, рука была забинтована. Волков скомандовал полный. Баркас удачным разгоном врезался в лед. Волков жал:

— Полный, полный даешь!

Вдруг, точно по катку, баркас вымахнул на ровную ледяную полянку. Из-подо льда, видно, вывернуло хорошую льдину. Корму баркаса подняло в воздух, винт завертело впустую.

— Задний ход! — прокричал Волков так, что я и Костерин присели. — Задний!

Команда его запоздала. Винт не пропеллер — задний уже не мог нам помочь. Тревожный гудок прорезал тишину над льдами. Баркас вызывал подкрепление. Мы ждали ответного сигнала с «Двинца». Нам отвечало безмолвие. Тогда Волков зачастил тревожным. Сирена выла, как собака на похоронах. Я направил бинокль на «Двинец». На палубе его никого не было видно. Пароход безмятежно отмалчивался, хотя по водным законам тревога обязывает, бросив все, немедленно идти полным на помощь.

— Дьяволы! — ругался Орлов вперемежку с Костериным.

— Зато в «Советской Мысли» напечатали вызов на соцсоревнование командам всех других пароходов Двины, первыми объявили себя ударниками на всю навигацию.

— Ударяют по храпу!

— Дело подсудное, — жестко проговорил Волков. — Потом разберемся с ними. Сигналь дальше.

Стали сигналить вновь. Наконец пароход откликнулся двумя короткими гудками. На палубе его забегали матросы, отдали чалки с пешен, воткнутых в расщелины льда. Аврал был закончен быстро, и баркас вновь водворился на воду. Волков задал гонку команде «Двинца».

— Тюлени, моржи, медведи! — кричал он. — Вот откуда аварии, откуда прорывы. Я так этого не оставлю. Я из них сало вытоплю, из моржей!..

Ночи были еще темными в пору этой ранней весны. С темнотой мы оставили долбежку льда. Пошли в кубрик «Двинца», ели ошпаренную кипятком ржавую треску, которую без привычки есть не морщась невозможно никак.

Мы продрогли, как в январский мороз, и устали. Предстояли еще несколько дней такого полезного препровождения времени. У меня было ощущение, что все мы дятлы: мы долбим дуб, и дуб даже не чувствует, сколько ярости вкладываем мы, точно начинку, в работу, в наши невразумительные движения на его мощном, толстокором стволе.

Я сознавал, конечно, что наше дело было делом энтузиазма, но мне было горько, что энтузиазм — в особенности Волков — расходовали мы непроизводительно, расходовали потому, что в Котласе, в госпароходстве и леспромхозе, засели рохли. Или те, к кому слали они телеграммы, сознательно вредили, быть может, нашему делу, не представив вовремя Котласу взрывчатых материалов, которые в лесном деле необходимы.

Такие же рохли составляли команду «Двинца». На палубе вахтенных не было. Мы стащили с пожарных стен кошмы. Мы, например, могли их уволочь с парохода, могли продать их, могли взять их себе — этого, наверно, никто не заметил бы. Мы спали на кошмах в кубрике. Там было душно, как в восемнадцатом году на фронтовых ночевках. Волков, несмотря на усталость, долго не засыпал. Он ворчал, ни к кому не обращаясь в отдельности, но так, что все его слышали:

— С такими моржами не пятилетку, занозы из пальца не вытянешь. Их надо таранить да долбить, да выкрасить, да потом выбросить. Эх, бедна людьми революция!

— Утопист! Не революция, а город Котлас, который еще деревня, — возразил я. — У революции людей много, а будет больше того!

— Сегодня Котлас — вся революция! — вскипел Волков. — Любой город сегодня Котлас, а Котлас что? Мы Котласом Магнитогорск будем строить. На фронте, бывало, под городом хутор возьмет противник, а из-за хутора город бросать приходится. Котлас — валюта, а Магнитогорск потребует оборудования из-за границы.

...Работать на следующий день нам не пришлось. Часа в три ночи к месту нашей стоянки подвалил пароход «Скалозуб», прибывший из Вологды с подрывной военной командой. У них были амонал, самовзрыватели — за одни сутки с небольшим они прошли затор в пять километров до Котласа.

Волков улыбался, старался казаться радостным. Но я за улыбками его видел: ему было досадно, что не он докончил работу...

(Предисловие и публикация А. СЛАВИНА).

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103645. ГСП. Москва. К-12, ул. 25 Октября, д. 17.

ТЕЛЕФОНЫ: отдел объявлений 292-49-90 для справок 221-12-60

Служба дежурного репортера «ЛП» 228-49-62 (Сообщения принимаются с 10.00 до 12.00 по московскому времени).

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам. Газета передана в Арханге... Отпечатана типограф... «Правда С...